

МЕНЯ сегодня часто спрашивают дотошные корреспонденты — знаете, из тех, что всегда все знают и всегда в курсе всех новостей и уж никогда не ошибутся, что нынче модно, а что «безнадежно устарело». Так вот, эти-то самые корреспонденты прямо-таки с пристрастием и даже с подвохом спрашивают:

— Вот вы, товарищ Крючков, в тридцатые годы сыграли таких любимых народом героев, как тракторист Клим Ярмо, Парень из нашего города и так далее. Сыграли вы и не только вы, но и ваши товарищи по искусству — Борис Андреев, Николай Боголюбов, Борис Бабочкин, Борис Чирков и другие, сыграли героя того времени, человека беззаветно смелого, беззаветно преданного Родине, партии, сыграли человека цельного и гармоничного, не подверженного никаким сомнениям в том, что, как и для кого он делает свое дело на земле. Сыграли?

— Да,—говоря,—сыграли.

лимпы. И поэтому несостоятельными кажутся мне нынешние потуги иных уж очень следящих за модой современных практиков кинематографа — их стремление выделить интеллект в некоем вряд ли реально существующем чистом виде.

Постараюсь пояснить свою мысль.

В послевоенные годы мне пришлось столкнуться с герсем как будто уже совсем другого качества. Мне пришлось столкнуться с прозой Лаврентева, Нилина, Тендрякова, с молодыми (по сравнению со мной) режиссерами Чухраем, Скуйбиным. Я имею в виду моих героев — комиссара Евсюкова в «Сорок первом», начальника угрозыска в «Жестокости», охотника Семена Тетерина в «Суде». Не скажу, что уж больно интеллектуальны эти герои, хотя что же, наконец, подразумевать под этим умным словом? На мой взгляд, герои мои последних лет — герои думающие, герои непростые, герои сложные. И они-то уже как раз в полную меру понимают, что с маху, с наскоку в жизни ничего не дается.

К сожалению, кинематографическая молодежь (я имею в виду режиссеров) редко сейчас советуется с актерами своей картины. А ведь актеры, особенно мы, старики, могли бы немало им подсказать и помочь. А мне приходилось работать со Столпером, с Пырьевым, и они — уже маститые кинематографисты — ко мне, артисту, прислушались, и им это было даже интересно.

Я бы очень не хотел, чтобы меня неправильно поняли. Я бы очень не хотел, чтобы меня, старого актера, поняли плоско: Крючков, мол, против молодежи, все ворчит, ворчит. Нет, ни в коем случае. Прекрасно, что сегодня много молодежи приходит в кино. Это прекрасно, что молодежь сегодня в кино делает погоду. Я еще скажу далее об одном молодом, в самом прекрасном и чистом смысле этого слова, человеке, с которым посчастливилось мне столкнуться на дорогах искусства. Но, продолжая свою мысль, говорю: прекрасно, что молодые завоевывают кинематограф, но плохо, когда они на полпути к свершениям ведут себя, как покорители Джомолунгмы. Им еще долго и долго идти...

Мне непонятно желание некоторых современных режиссеров, сценаристов говорить обо всем шепотом. Про себя. Вполголоса. Говорить так о самых насущных, о самых необходимых вещах в жизни, в искусстве, в любви. Зачем же шепотом, зачем про себя, если он, этот молодой художник, убежден, если он верит в то, что говорит? Чего он боится? Громкого голоса? Так громкий, чистый, здоровый голос в искусстве никому еще никогда не вредил!

И вот здесь я и хочу рассказать и читателям, и молодым моим коллегам по искусству, которым, несмотря на все вышесказанное, я все-таки очень симпатизирую и на которых очень надеюсь, хочу напомнить им об одном прекрасном молодом художнике, чья жизнь в искусстве, к сожалению, оборвалась слишком рано. Я говорю о Владимире Скуйбине. Мне выпало большое счастье работать с этим так рано ушедшим от нас человеком в двух картинах — «Жестокости» и «Суде». И я не могу не сказать о том, что этот образованнейший, культурнейший и очень очень многим интересовавшийся в жизни человек, в отличие от многих других, умел говорить громко, четко и ясно о том, ради чего он пришел в искусство, о том, что он отстаивает на экране.

Я вспоминаю: когда мы сделали «Жестокость» и она только-только вышла на экраны, многим, и участникам фильма в том числе, она показалась не такой уж выдающейся картиной. Во всяком случае, многие считали ее ниже поведи Павла Нилина. И вот недавно я увидел картину по телевидению. И странно, она на меня, члена съемочного коллектива, произвела удивительное, неизгладимое впечатление. Как будто я смотрел ее впервые. Как будто не мучились мы, не придумывали, не отвергали и не принимали снова каждый кадр. Я увидел, что актеры, старые и молодые, были на высоте в этом фильме и сделали все, что могли. Я увидел, что работали мы с полной отдачей и с полным доверием к нашему молодому руководителю.

Да, мы, артисты, верили Скуйбину. Слушали его и слушались его. А он слушал и слушал нас, хотя часто мы азартно спорили — все было. Но никогда, сколько бы ни жил, не забуду я о месяцах и годах работы рядом с этим чистейшим и скромнейшим — да, замечу и повторю, — скромнейшим человеком в искусстве.

О чем же сказать в заключение? Написал много, может быть, не очень складно, но ведь я не писатель и не кинорежиссер. Я сказал о том, что меня сейчас очень и очень волнует.

Я, как, наверное, и миллионы наших зрителей, хочу видеть на экране Человека. Мне хочется видеть, как этот Человек страдает и борется, побеждает и надеется, верит и ждет. Мне хочется, чтобы, наконец, появился на нашем экране такой Человек, про которого можно было бы сказать: вот таким хочется мне быть.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

МОЙ ГЕРОЙ, МОЙ ДРУГ

Николай КРЮЧКОВ,
народный артист СССР

И слушаю: что же будет дальше? Потому что по опыту знаю, что дальше-то и будет самое главное, самое «подводное», то, ради чего и начал весь этот так хорошо мне знакомый разговор.

— Ну, а как же быть с героем теперь? — спрашивают дальше. — Теперь ведь разорванными тельняшками ни в бою, ни в жизни ничего не решишь. Очевидно, сегодня главное — интеллект. В первую очередь — разум, интеллект. А человек, решающий вопросы жизни, неизбежно проходит стадию и внутренних раздумий, и внутренних сомнений. Это его битва.

— Да,—говоря я.—Другие времена, другие песни. Все это я прекрасно понимаю. Понимаю. И все же...

И все же нет, не могу я не обидеться за моих друзей, героев тех далеких лет. За Трактористов, Семерых из Арктики, парней и девчат из Комсомольска, за Великого Гражданина и за Чапая, за Депутата Балтики, за луковских шахтеров, за моего Парня из нашего города. Ведь с этим Парнем люди на фронт уходили, ведь и героиня фильма Ю. Райзмана «Машенька» ждала сотни и сотни тысяч своих Алеш с победой, ждала и вдохновляла на эту победу.

И вот почему-то, несмотря на все разговоры, споры и на все прочее, думаю мне, что не так уж просты были все наши герои тех лет, и жизнь их была не так проста, и не легко давались им удачи. Нет, крепко думали они о жизни. Да, именно думали, как лучше эту жизнь сделать, как сделать, чтоб людям хорошо на этом свете жилось. Думали, но только чаще про себя, без этого сегодняшнего «внутреннего голоса», или «закадрового голоса», — как он там точно называется, не знаю.

Думали, действуя, живя, любя. Осуществляя на деле то, о чем думали.

А разве это так плохо — не только думать, не только мыслить, не только рассуждать (а у нас сегодня на экране ведь чаще рассуждают, чем мыслят, право!), но и делать то, о чем думаешь, мыслишь?

Мне кажется, с самого начала неверна эта посылка — разделить разум от физического естества человека, мысль — от деяния, чистоту интеллекта — от красоты труда человеческого. Неотделимы они — вот в чем штука! Неотде-

Понимают это и Евсюков, и начальник угрозыска, и Тетерин.

Вот потому-то из-за этой непростоты и стали говорить, наверно, что Крючков начал играть героев другого качества, что Крючков-де «косовременился».

«Герой стал думать», — говорят про эти образы. Но герой моих молодых 30-х годов всегда думал о жизни — крепко, упорно, настойчиво.

То же, что сегодня иные вкладывают в это слово «думать», кажется мне каким-то уж очень куцым, очищенным до неосвязаемости. Так же, как и то, что сегодня вкладывается иногда в слово «современность». Считается почему-то ныне, что у нас понимание современности доступно лишь «богам», «пророкам», которые только одни и знают толкование всех этих хитрых понятий.

Вот недавно читал я один сценарий. Утро. Звонит будильник. Через ночной столик виден человек. Он встает, делает зарядку. Завтракает. Потом идет и что-то «кует» — на 300 процентов. Потом встречается ему любимая девушка. «Некогда!» — кричит ей герой... и идет на вечерние занятия.

Вот и все.

В этом фильме я отказался сниматься, хотя уверен: его снимут и без меня, и он спокойно выйдет на экраны.

А я недавно снимался в другом фильме молодых авторов — на Одесской студии (мне казалось, что сценарий дает какой-то материал для создания образа, — потому и согласился). Фильм о старом летчике, который уже покинул аэродром и не может без него жить. Прихожу как-то на студию. Как будто бы крупные планы должны были сниматься. А мне говорят: мы решили сегодня ежика на аэродромном поле снять. А назавтра — опять же поле сквозь крыло... Так и получилось, что актера в кадре почти и нет. Вот так. И это все без шуток. Когда на художественных авторов фильма спросили: «А где же герой?» — я, право же, и не знаю, что они ответили...

Может быть, это и есть современность? Может быть, это и есть интеллектуализм? Я не думаю, что это та современность, та новизна, за которую стоит рваться. Ибо новизна формы всегда рождается в крепкой нови содержания. Иначе я себе это не мыслю.

Кадры из кинофильмов (сверху вниз): «Трактористы», «Парень из нашего города», «Сорок первый».